

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЖАНРА: ПАСХАЛЬНЫЙ РАССКАЗ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ

© 2011 Т.Н.Козина

Пензенский государственный педагогический университет имени В.Г.Белинского

Статья поступила в редакцию 04.08.2010

В статье кратко описывается становление жанра пасхального рассказа, указываются его канонические признаки. Основное внимание уделяется анализу современных пасхальных рассказов.

Ключевые слова: пасхальный рассказ, жанровые каноны, духовное преображение, современная проза.

Жанр пасхального рассказа в русской литературе складывается в XIX веке. Исходными формами, на наш взгляд, стали литургическая поэзия, притча и литургическая драма. Жанры гимнографии (тропарь, канон, кондак) предназначались для коллективного церковного пения. Пасхальный рассказ аккумулирует отдельные черты указанных жанров: пафос, эмоциональный подъем — из гимнографии; динамичность, эффект присутствия — из литургической драмы; учительский пафос, дидактичность повествования — из притчи. На становление жанра пасхального рассказа, несомненно, своё влияние оказали первые прозаические произведения, в которых описывались обычаи русского народа. Среди них — историко-этнографическое исследование «Домашняя жизнь и нравы великорусского народа» Н.И. Костомарова. В нём автор особо отмечает стремление благочестивых людей проводить дни Светлого Воскресения «в делах милосердия... особенно кормили нищих, раздавали милостыню, посылали пособие заключённым»¹. В работе «Нечистая, неведомая и крестная сила» писатель-этнограф С.В. Максимов подробно рассказывает об артефактах Пасхи и об отношении к ним русских людей, например: «Пасхальная свеча имеет громадное значение для пастухов, у которых будет сохранено стадо, если в рожок закатан будет воск от этой свечи»². Традиции празднования Светлого Воскресения в сельских и городских семьях, сложившиеся в России в XIX — начале XX веков, воссозданы в художественно-мемуарных произведениях «Родное слово» К.Д. Ушинского, «Записки писателя» К.Д. Телешева, «Ве-

ликий день» А.Л. Толстой, «Около церковных стен» В.В. Розанова, «Воспоминания» А.И. Цветаевой. Художественно-мемуарные книги, этнографические исследования способствовали определению хронотопа пасхального рассказа. Его рамки фиксируются достаточно широко: от Прощеного воскресенья до Дня Святого Духа. Этот период включает в себя Чистый понедельник, Великий пост, Страстную неделю, Пасху, Светлую седмицу, Вознесение Господне, День Святой Троицы. Писатели отмечают народную устремлённость к Пасхе как к избавлению человечества от зависимости греху на протяжении всего Великого поста: «...теперь питались одним кусочком хлеба с водою в день; мужья убежали жён; встречаясь друг с другом, знакомые напоминали один другому о христианском житье и посте, в ожидании светлого праздника»³.

Начиная с 80-х годов XIX века, к жанру пасхального рассказа обращались многие известные писатели: К.М. Станюкович, В.Г. Короленко, А.П. Чехов, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, Б.К. Зайцев, И.А. Бунин и другие. В этот период произошло окончательное формирование универсалий жанра. В сюжете исследуемого художественного вида непременно должны присутствовать духовное преображение героя, то есть уничтожение в себе «ветхого» человека, победа добра и любви над ненавистью и злобой, прощение своего обидчика, способность радоваться чужому счастью. В начале XX века бурные политические потрясения в России не могли не сказаться на религиозно-нравственном состоянии общества. «В народе умножились случаи отпадения в секты, особенно опасным был стремительный рост баптистской общины. В среде городской бедности вполне обычным явлением стало отчуждение от церкви». Интеллигенция в последнем десятилетии XIX — первом десятилетии XX веков в основной массе своей

⁰Козина Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания в начальных классах факультета начального и специального образования.

E-mail: T.N.Coзина@yandex.ru

¹ Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа / Сост., предисл., примеч. С.Л. Николаева. — М.: 1993. — С.15.

² Максимов С.В. Избранное / Сост., вступ. статья и примеч. С.И. Плеханова. — М.: 1981. — С.463.

³ Костомаров Н.И. Домашняя жизнь — С.14.

разделяла антирелигиозные настроения: «противопоставление духовенства «обществу» стало одной из главных тем церковной и светской печати»⁴. В первые годы власти большевиков церковь «как бы вернулась к самым тёмным временам своего бытия: государство провозгласило необходимость атеистического воспитания молодого поколения. Развитие жанра пасхального рассказа в советской литературе в последующие годы приостанавливается из-за негативного отношения государственной власти к Церкви. Радикальные перемены в правовом статусе Русской Православной Церкви происходят лишь в 1990-е годы, когда была начата работа над законопроектом «О свободе совести и религиозных организациях». Шестая статья закона открывает юридическую возможность религиозного обучения детей. Так, по мысли Святейшего Патриарха Алексия II, «Россия начинает труд и подвиг исцеления!..»⁵.

Анализ литературно-художественных журналов («Новый мир», «Нева», «Октябрь»), выходящих в конце XX – начале XXI веков, позволяет констатировать возрождение жанра пасхального рассказа. Современные писатели обращаются в своих произведениях к острейшим социальным проблемам: пьянству и наркомании. Пасхальный хронотоп становится доминантным признаком жанра в рассказе Б.П.Екимова «Пасхальный рассказ со взрывом» (2002). Приближающееся Светлое Воскресение наводит повествователя на воспоминания о жизни и смерти Гришиного батяни. Автор оставляет героя без имени: он сам называет себя «батяней». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И.Даля это слово толкуется как образованное из двух: батька и брат, братаня, приятель, товарищ⁶. Снисходительное прозвище является самохарактеристикой немолодого человека. Оно обнаруживает его нежелание быть главой семейства. Психологический портрет персонажа выдаёт в нём человека, впавшего в грех пьянства: «Всегда говорлив, всегда, как говорится, «выпимши», энергичен: «Счас, счас... Зделаем... Нет вопросов...» — чего-то обещает и тут же куда-то мчится развинченной лёгкой походочкой. Кепочка — чуть набекрень, затасканный пиджачок, рубашечка в клетку, разношенные сандалии на босу ногу»⁷. «Батяня» хочет всем быть полезен и необходим в надежде на угоще-

ние. Вероятно, он и сам тяготится подобным образом жизни: «Тараторит, машет руками, а глаза не больно веселые, куда-то все в сторону глядят»⁸. Во время очередного скандала в семье, когда жена, дочь и сын вместе выступили против «батяни», он, желая их припугнуть, выдернул чеку из боевой гранаты. До взрыва оставалось несколько секунд: «Батяне с лихвой хватило этих секунд, чтобы отрезветь, все понять и сделать последний шаг... Батяня успел, кинулся на пол, упав на гранату»⁹. Члены семьи не пострадали. Взрыв произошёл за полгода до Пасхи, казалось бы, автор ошибочно определил жанр рассказа. Но если «для дифференциации жанров может быть значим и один из выделенных признаков»¹⁰, то в тексте Б.П.Екимова имеются два доминантных отличия: духовное преобразование человека и постоянный хронотоп. Писатель не называет поступок персонажа героическим, но оценивает его высоко: «...ушел по-хорошему, по-людски, никого с собой не забрав»¹¹. В этих словах заключена и оценка прежней жизни героя: лишь жертвенная смерть возвысила его над греховной земной жизнью. Сделав свой нравственный выбор, «батяня» впервые поступил как глава семьи. По мнению автора, он заслуживает памяти накануне Пасхи. В концовке рассказа просматриваются и другие признаки пасхального жанра: учительский пафос и дидактичность повествования.

Хронотоп рассказа Н.А.Горловой «Пасха» (2007) определен не точно. Можно лишь догадываться о времени действия (вторая половина 1980-х годов). В тексте есть указание на место, где происходили события, — Осинки. Возникает аллюзия на самоубийство Иуды, предавшего Христа. Глагол «случилась», находящийся в сильной позиции текста, («Пасха случилась поздняя, в жаркие дни») ¹², говорит о внезапности происшедшего. Персонажи к празднику не готовились, он стал поводом для поездки на пикник. События рассказа ретроспективны, повествовательница вспоминает один из эпизодов своего детства. В восприятии девочки все запечатлелось зримо, живо, образно. Это не случайно: ребенок ближе к Богу, «ибо таковых есть Царствие Божие» (Лк. 18: 16). В этот день Надя замечает изменения, происшедшие в природе. Благодать Воскресения разлилась по всему миру: «Глаза ломило от яркой листвы, мокрый

⁴ Прот. Владислав Цытин. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды (1700 – 2005). – 3-е изд., испр. – М.: 2007. – С.322.

⁵ Там же. – С.657.

⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т.1: А – З. – М.: 1989. – С.55.

⁷ Екимов Б.П. Пасхальный рассказ со взрывом // Новый мир. – 2002. – № 10. – С.19 – 20.

⁸ Там же. – С.20.

⁹ Там же.

¹⁰ Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособ. для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: 2003. – С.26.

¹¹ Екимов Б.П. Пасхальный рассказ – С.20.

¹² Горлова Н.А. Пасха: рассказ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pereplet.ru/text/gorlova15febos.html> (Дата обращения 25.05.2010)

свет стекал по веткам, бесшумно капал и уходил в траву». Рассказчица внутренне готова к пасхальному чуду Воскресения: «мне странно захотелось чего-то, что изменило бы всю мою жизнь, быстро и страшно, захотелось умереть и воскреснуть, остаться собой — и измениться, найти в себе что-то, что будет — я, и больше, чем я, и не отнимется». И чудо с ней происходит. Кульминацией духовного плана становятся ее слова: «Христос воскрес!» Устремление души девочки к Богу помогает ей увидеть истинную суть последующих событий. Кульминацией нарративной структуры является приготовление на костре шашлыка. Эта сцена представляется «персональному» повествователю действием inferнальной силы: «Мы... выскочили на поляну, освещенную жаром... Пламя отражалось в шомполах, и нарощее на них мясо приобретало цвет огня. Одноглазый с опаленными ресницами медленно-медленно ворочал шомполы... Румяная в свете пламени Плясовиха лежала на покрывале, на руке у Инженера, и вместо глаз драгоценные камни горели в ее оправе. ...в тени сидела тетя Вера... неподвижная, печальная... Как магический кристалл была в ее руках рюмка, и ощущение тайны пришло ко мне»¹³. Вместо праздника Воскресения здесь — жертвоприношение. Плотское, физическое, низменное торжествует над духовным. Ключевые слова: пламя — одноглазый — шомполы — драгоценные камни — магический кристалл — реализуют в тексте антипасхальную парадигму и усиливают ощущение трагизма происходящего. Будто вновь только что воскресшего агнца Божия приносят в жертву, проткнув его тело шомполами. Агнец Божий — символическое имя Иисуса Христа. Его впервые употребил Иоанн Предтеча, когда Господь пришел к нему креститься (Ин. 1: 29, 36). Поведение взрослых в этот день нарушает все императивные запреты. Тетя Вера ссорится в пасхальный день с матерью («проклят от Господа раздражающий мать свою» (Сир. 3: 16), уезжает с женатым человеком Кривым Чертом на пикник («не прелюбодействуй» (Мф. 5: 27). Христианский обычай требует в этот день вкушения яств дома, за семейным столом и, конечно, не предполагает поедания мяса животных, приготовленного языческим способом («не убий» (Мф. 5: 21). Герои рассказа отделяют детей, которые им мешают, устроив их в стороне от себя («люби ближнего твоего» (Мф. 5: 43). Рассказ завершается приездом дяди Василия — мужа Плясовихи, уехавшей с Инженером. Прозвище является реминисценцией на булгаковский образ «Инженера с копытом». Следовательно, в событийном ряду вместо развязки следует еще одна кульми-

нация. Отсутствие сюжетной развязки указывает на главенство духовных универсалий текста. Рассказчица вспоминает события того дня и видит их глазами целомудренной женщины. В описании героев присутствует дивидизация, на первый план вынесено плотское, греховное: «Ее наэлектризованное платье липло к ногам и трещало, когда она обдергивала подол между коленей». В портрете Нюры Плясовой возникают аллюзии на тридцать сребреников (глаз — монета), на запретный плод (пявки — яблоки). Тетя Вера («...в белой блузке. У нее просвечивался лифчик»; «Полоска нижней юбки выступила из-под черного сукна», «... на ее подбородке отчетливо была видна граница пудры»)¹⁴ — символ погибающей души, отсюда небрежность в одежде, трагизм и печаль в облике. Директор жарит шашлык, выбрав вместо шампуров — шомполы. Это слово встречается в тексте четыре раза, усиливая ассоциацию с убийством. Антиципацией этому является фраза: «Инженер низал мясо на шомполы, и холодные куски в его руках дрожали». В рассказе «воскресает» одна душа — повествователя. Случившееся с Надеей пасхальное чудо становится аксиологической оппозицией inferнальной имманентности взрослых.

«Пасхальный горизонт ожидания»¹⁵ задаётся М.А.Кучерской определением жанра рассказа «Кукуша» (2008). На первый взгляд, кажется, что хронотоп является единственным жанровым признаком текста. Изображая Великую Субботу и Пасху, писательница обращается к одному из самых губительных грехов современности — наркомании. В рассказе много недомолвок и недоговоренностей, воссоздать относительно полную картину жизни персонажа помогает детальное рассмотрение дискурсивной организации всего текста. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И.Даля указаны следующие значения слова «кукуша», давшего название рассказу: 1) зловещий человек; 2) беззаботная мать, покидающая своих детей; 3) пустое, глупое, неуместное слово на ветер, болтовня¹⁶. М.А.Кучерская виртуозно реализует в своем произведении все значения выбранного слова. Мечущаяся накануне праздника Светлого Воскресения героиня представляется той самой «беззаботной матерью». Она вспоминает наркомана Гришу и заставляет мужа подъехать к его дому: «Ведь сегодня ночью наступит Пасха, можно хоть одно-единственное хорошее дело совершить за этот Великий пост? Просто накормить человека обедом?»¹⁷. Застряв в лифте, она

¹⁴ Там же.

¹⁵ Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. — М.: 2004. — С.235.

¹⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т.2: И — О. — М.: 1989. — С.214.

¹³ Горлова Н.А. Пасха: рассказ....

отсутствует долго, муж, не дождавшись, оставляет машину и уезжает на метро. Эмоциональный подъем рассказа нарастает, усиливаясь медитацией персонажа: «Гриша, возьми меня с собой, по старой дружбе... лишь побыть без всех»¹⁸. Обращённые к читателю размышления повествовательницы обнажают высшую степень физической усталости. Сейчас для неё более приемлемо бытие со «зловещим человеком», чем выполнение родительских обязанностей по отношению к двум малолетним детям. Этот надлом идёт из души. Вероятно, уже на протяжении нескольких лет героиня не может понять: «Где тот светлый юноша... в обычной, белой пасхальной рубашке?»¹⁹. Из воспоминаний персонажа о «болтовне» во время редких встреч с Гришей постепенно складывается цельная картина жизни настоящей христианки. Она любит того Гришу, «кто когда-то рассказывал... про Христа. Кто тихо шёл впереди... в поющей лёгкими ангельскими голосами сладкой темноте крестного хода, оборачивался, заботливо зажег погасшую на апрельском ветру свечку, и круглая золотистая вспышка вдруг озаряла снизу юное, детское почти, тонкое, полное неземной и действительно какой-то пьяной воздушной радости, такое родное лицо»²⁰. Эпиграф «Всем самовольно живот свой скончавшим» говорит о трагических событиях в прошлом. Этот пасхальный рассказ даёт надежду всем, оказавшимся в подобной ситуации. Героиня простила Грише все причинённые обиды, её любовь возвышенна и чиста. Ради этой любви она едет в день Пасхи к старцу. Вначале ей кажется, что отец Василий не может помочь — снять тяжёлый моральный и духовный груз. «Ничто не свершилось, даже крошечного сдвига не произошло»²¹. Но уже поздно вечером, вернувшись домой и обняв детей, героиня забывается на миг. Истинным завершени-

ем произведения становится пасхальное приветствие:

«...раздаётся телефонный звонок. Сеня берёт трубку, передаёт мне — «Гриша».
— Маша?
— Привет.
— Христос воскрес.
Ладно можно еще пожить»²².

В этой финальной акцентуации пасхального торжества и заключается пасхальное чудо. Гриша не смог остаться посторонним зрителем пасхальной радости, возможно, — это приветствие символизирует возрождение его души.

Реализуя собственные интенции, авторы способствуют возвращению жанра пасхального рассказа в современную литературу. Подражание вольной жертве Спасителя в «Пасхальном рассказе со взрывом» Б.П.Екимова возвышает героя над собственной греховной жизнью. Н.А.Горлова показывает, как за долгие десятилетия атеистического воспитания в обществе произошло разрушение понимания божественной сути праздника Светлого Воскресения. Смертельный грех наркомании, разрушающий не только семью, но и личность персонажа рассказа «Кукуша» М.А.Кучерской, неожиданно вводит в текст мотив всепобеждающей любви, в которой просматриваются черты божественной любви, названные апостолом Павлом в «Первом послании к коринфянам»: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится... Любовь никогда не перестает...» (1 Кор. 13, 4 – 8).

¹⁷ Кучерская М.А. Кукуша: пасхальный рассказ // Знамя. — 2008. — № 10. — С.75.

¹⁸ Там же. — С.76.

¹⁹ Там же. — С.74.

²⁰ Там же. — С.74.

²¹ Там же. — С.78.

²² Там же. — С.79.

GENRE RETURN: EASTER STORY IN MODERN PROSE

© 2011 T.N.Kozina^o

Penza State Pedagogical University

This article is dedicated to formation of an Easter story genre. This article also specifies its canonical features. The study mostly focuses on the analysis of modern Eastern stories.

Key words: easter story, genre canons, spiritual transformation, modern prose.

^o Tatyana Nikolaevna Kozina, Cand. Sc. in Philology, Associate Professor of the department of the Russian Language and its Teaching Methodology in Primary School. Faculty of Primary and Special Education
E-mail: T.N.Kozina@yandex.ru